

У.

Дерптская жизнь.

6-мъ октябрѣмъ помѣчено стихотвореніе: „Росписка Маши“. Въ пачкѣ бумагъ Жуковскаго, хранящихся въ Имп. Публ. Библіотекѣ № 15, л. 69, оно написано рукою писца съ заглавіемъ: Росписка Маши Кирѣевской. Но о ней, родившейся 8 августа 1811 года, не можетъ быть и рѣчи: дѣло идетъ о Машѣ Протасовой и объ октябрѣ 1814 года; можетъ быть здѣсь такой же случай наивнаго укрывательства, какой мы видѣли выше — въ помѣткѣ А. А. Протасовой при стихотвореніи, обращенномъ къ Машѣ: „Маминькѣ“¹⁾. Вотъ содержаніе росписки:

Что ни пошлетъ судьба, все пополамъ,
Безъ робости, *дорогою одною,*
Въ душѣ добро и вѣра къ небесамъ,
Итти тебѣ впередъ, намъ за тобою!
Лишь вмѣстѣ бы, лишь только-бъ за одно,
Лишь въ часъ одинъ, одна-бы намъ могила!
Что, впрочемъ, здѣсь ни встрѣтитъ, все равно!
Я въ томъ за *вспѣхъ* и руку приложила.

Это — программа будущаго совмѣстнаго житья; Протасова согласна, Маша приложила руку.

Такъ или иначе, но поѣздка Жуковскаго была рѣшена, о чемъ онъ и писалъ Тургеневу 20 октября 1814 г. Онъ строитъ планы общей жизни, общаго счастья, кому что дѣлать, какъ держаться, составляетъ смѣту общихъ расходовъ и планы ра-

1) Сл. выше стр. 144.

боть ¹⁾, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ полонъ опасеній. „Не радуйся, пишеть онъ Тургеневу (то-же письмо). Того, что надобно, что одно было бы для меня счастьемъ, нѣтъ, и вѣроятно, не будетъ. По крайней мѣрѣ и жестокаго *розно* также не будетъ. Фанатизмъ, присоединенный къ слабому, нерѣшительному характеру, непобѣдимъ. На него ни разсудокъ, ни сожалѣнїе ничто дѣйствовать не могутъ. Нѣтъ довольно твердости, чтобы на что нибудь рѣшиться, чтобы остаться при томъ, на что рѣшился. Вся твердость въ этомъ дьявольскомъ суевѣрїи, которое не навизу отъ всего сердца... Но такъ и быть! Будущее впереди, въ рукѣ твердой, мое дѣло дойти до него хорошей дорогой. Мы вмѣстѣ, это много, это все. Не думаю, однако, чтобы было полное спокойствїе, полное счастье: все это зависитъ не отъ насъ! Но надобно сколько можно беречь это сокровище, трудиться, помнить предположенную цѣль, радоваться, что есть дружба, которая меня утѣшаетъ; словомъ писать и жить, какъ пишешь. Стоить своего счастья, и оно будетъ наше. Развѣ мало быть добрымъ, быть любимымъ такимъ сердцемъ, какого нѣтъ другого, быть другомъ твоимъ, быть поэтомъ и писать не для низкаго всеобщаго одобренїя, а для семейства прекрасныхъ людей, съ которыми породнишься посредствомъ высокихъ, не ложныхъ и хорошо выраженныхъ чувствъ, которыя, быть можетъ, останутся и для потомства? Слава, истинная слава! А для меня она выше, нежели для другихъ. Искать, а стало быть любить самое прелестное творенїе, въ лучшія совершеннѣйшія минуты жизни быть къ ней ближе. Братъ, еще можно быть счастливымъ“. А затѣмъ эти надежды блекнуть — и возникаютъ сомнѣнїя: „отъ дерптской жизни не жду ни счастья, ни покоя. Надобно имѣть подлѣ себя другіе характеры, чтобы имѣть и то и другое. Но все замѣнится милымъ *вмѣстѣ*. Такъ и быть!“ — „Что профессорство Воейкова?“ спрашивалъ онъ Тургенева (8 ноября 1814 г.) — и у него въ головѣ возникаетъ новая химера, что-то похожее на надежду: надежда на содѣйствїе государыни Марїи Ѳедоровны и Синода — при посредствѣ Тургенева! „Чтобы заставить тебя дѣйствовать не нужно, кажется, представить твоему воображенію то счастье, какимъ бы твой товарищъ наслаждался въ жизни. Другого

1) Бумаги Жуковскаго, стр. 7—8. Сл. Русская Старина 1901 г., май, стр. 48 слѣд.

нѣтъ! А въ этомъ счастіи все—позвія, слава и жизнь. На Воейкова полагаться нечего: онъ не имѣетъ характера. Я очень хорошо могу жить съ нимъ вмѣстѣ, но ждать отъ него нечего. Это между нами“ (1 декабря 1814 г.).

6 января 1815 г. Жуковскій отпраздновалъ въ кругу родныхъ годовщину своего возвращенія изъ похода; 6 января слѣдующаго года онъ напоминаетъ о томъ Воейкову: онъ ѣдетъ съ нимъ и Протасовыми:

Воейковъ, этотъ день для сердца незабвенный!
 Здѣсь возвращеніе мое
 Ты за годъ праздновалъ въ родной друзей семьѣ.
 Какъ странникъ, въ кругъ ея случаемъ заведенный,
 Ты мыслилъ между насъ минуту отдохнуть,
 Потомъ опять идти въ свой одинокій путь
 Съ несовершившимся желаньемъ
 И съ темнымъ счастья ожиданьемъ!
 Но здѣсь тебѣ твое „не дамъ“ рокъ сказалъ....
 И Провидѣніе здѣсь всѣмъ, что въ жизни мило,
 Тебя въ душѣ твоей Свѣтланы наградило!
 Другъ, благодарственный фіалъ
 Незримоу, Тому, Кто намъ не измѣняетъ,
 Который всюду спутникъ намъ,
 Который и самимъ бѣдамъ
 Всегда во благо быть для насъ повелѣваетъ!
 Ему повѣримъ ихъ! Ему отъ насъ обѣтъ —
 Украситъ жизнью Ею прекрасный свѣтъ,
 И быть въ кругу Ею прекраснѣйшихъ созданій
 Достойнымъ вѣкъ Ею святыхъ благодѣяній.

Слѣдующая строфа, очевидно, обращена къ Протасовой:

Вамъ, милая, нашъ другъ-благодворитель,
 Отъ счастливыхъ дѣтей мольба въ веселый часъ:
 Вкушайте счастье безопасно между насъ!
 Покой вашъ нашего спокойствія хранитель!
 Съ доврїемъ подайте руку намъ
 И вѣрныхъ вашихъ чадъ сердцамъ
 Себя съ надеждой поручите;
 Ихъ на добро благословите,
 А обійей жребій свой — оставимъ небесамъ.

„Долбинскій минутный житель“ прощается съ Авдотьей Петровной Кирѣевской и ея дѣтьми:

Друзья, въ сей день былъ мой возвратъ!
 Но онъ для насъ и день разлуки;
 На дружбу вѣрную дадимъ другъ другу руки!
 Кто братъ любовію, тотъ и въ разлукѣ братъ!
 О нѣтъ! не можетъ быть для дружбы разстоянья!
 Вдали, какъ и вблизи, я буду вамъ родной,
 А благодарныя объ васъ воспоминанья
 Возьму на самый край земной!

(„Прощаніе“ 6 января 1816 г.).

Въ январѣ или февралѣ 1816 г. Жуковскій писалъ Машѣ: „Мапа, надобно знать и исполнить то, на что мы рѣшились“. Онъ искренно говорилъ ей матери о своей идеальной привязанности, просилъ для себя свободы, довѣрія; надо сдержать данное слово, иначе покоя не будетъ. И онъ проситъ Машу дать ему всю нужную для того „добродѣтель“. „Чего я желалъ? Быть счастливымъ съ тобою! Изъ этого должно выбросить только одно слово, чтобы все замѣнить. Пусть буду счастливъ тобою. Право, для меня все равно мое счастье или наше счастье. Поставь себѣ за правило все ограничивать одной собою, повѣрь, что будешь тогда все дѣлать и для меня. Моя привязанность къ тебѣ теперь точно безъ примѣси. Собственно и отъ этого она живѣе и лучше. Ужъ я это испыталъ на дѣлѣ: смотря на тебя я уже не то думаю, что прежде, если же на минуту и завернется старая мысль, то всегда со своимъ дурнымъ, старымъ товарищемъ — грустью; стоитъ уйти къ себѣ, чтобы опять себя отыскать такимъ, какимъ надобно“. Эта побѣда надъ собой утѣшаетъ его. „Какъ еще много мнѣ осталось! Не лиши же мнѣ этого счастья! Передѣлай себя совершенно и будь этимъ мнѣ обязана! Думай беззаботно о себѣ, все дѣлай для себя — чего для меня болѣе? Я буду знать, что я участникъ въ этомъ миломъ счастье! Какъ жизнь будетъ для меня дорога! Между тѣмъ я имѣю собственную цѣль — работа для пользы и славы! Не легко ли будетъ работать“? Письмо, прерванное объясненіемъ съ Протасовой, сообщаетъ о его результатахъ: „мы говорили — этотъ разговоръ можно назвать холоднымъ толкованіемъ въ прозѣ того, что написано съ жаромъ въ стихахъ. Смыслъ

тотъ же, да чувства нѣтъ“. Протасова пожелала, чтобъ онъ отложилъ свой приѣздъ до іюля, „потомъ увидимъ“, пусть дастъ ей время „сблизиться съ Машею, ты насъ совсѣмъ разлучилъ“. Неужели я эгоистъ? спрашиваетъ себя Жуковскій; и въ самомъ дѣлѣ: „Чего я хочу? Опять-же своего счастья? Надобно совсѣмъ забыть объ немъ.... Мапа, чтобы имѣть полное спокойствіе не должно ли тебѣ возвратить мнѣ всѣхъ писемъ моихъ? Ты знаешь теперь нашу общую цѣль: твое счастье! Быть довольнымъ собою! У тебя есть Фенелонъ и твое сердце. Довольно! Твердость и спокойствіе, а все прочее Промыслу!“

Въ февралѣ Протасовы и Воейковы поѣхали въ Дерптъ, куда явились 15-го числа, Жуковскій двинулся туда позже, не заѣвжая въ Петербургъ, какъ вначалѣ предполагалъ. Слава откликнулась: его посланіе къ Имп. Александру было прочтено Тургеньевымъ Императрицѣ Маріи Федоровнѣ и встрѣчено восторженно; „Государыня потребовала отъ Уварова и меня сказать ей, что можно для тебя сдѣлать“, писалъ Тургеньевъ Жуковскому; и друзья „уже придумали“, его звали въ Петербургъ ¹⁾. Въ письмахъ съ дороги въ Дерптъ онъ говоритъ о прошломъ годѣ, о положеніи, которое онъ отвоевалъ себѣ въ семьѣ, о желанномъ „вмѣстѣ“, которое не сулитъ счастья, потому-что между нимъ и Протасовой такая „бездна недовѣрчивости“. Такое положеніе ужасно и выйти изъ него нѣтъ силъ, ибо для него нѣтъ „отдѣльнаго счастья“; „лучше страдать и погибнуть вмѣстѣ“. „Воейковъ вопелъ въ семью, а я изъ нея выпелъ“; Жуковскій по прежнему вѣритъ, что Воейковъ его любитъ, большая ему подпора. „Не имѣй о немъ дурныхъ мыслей“, пишетъ онъ Тургеньеву по поводу другого своего письма, гдѣ онъ говорилъ о Воейковѣ иное: оно было писано „въ дурную минуту“; „вотъ съ какими надеждами я ѣду въ Дерптъ“ (къ Тургеньеву 1815 г. 1 февраля).

Друзья заботятся о его положеніи въ Петербургѣ, о „чинахъ и карманѣ“, но „мое мѣсто знаешь гдѣ, и все возможное счастье тамъ-же“, „этого счастья никто, никогда замѣнить не можетъ“ (къ Тургеньеву 1815 г. 4 февраля). И счастье снова представлялось ему такимъ, какимъ грезилось прежде, и снова

1) Письмо Тургеньева, Русскій Архивъ 1864 г., стр. 448—52; сл. письмо Жуковскаго къ Тургеньеву 25 января 1815 г. Москва.

онъ говорилъ о возможныхъ вліяніяхъ на Протасову (сл. письма къ Тургеневу отъ 1 и 4 февраля и 4 марта).

Жуковскій пріѣхалъ въ Дерптъ въ половинѣ марта, съ опредѣленной программой, въ которую напередъ вжилъ. Онъ пожертвовалъ своимъ счастьемъ для спокойствія своей Маши, но старое чувство еще вспыхивало. Дерптская жизнь многое измѣнила, ускоривъ развязку. На первыхъ порахъ все, казалось, обѣщало миръ и спокойствіе, если вѣрить замѣчаніямъ, набросаннымъ Воейковымъ на страницахъ „Делилевыхъ садовъ“: „16-го марта ¹⁾ пріѣхалъ Жуковскій“; „отъ 9-го февраля до 20-го марта былъ совершенно счастливъ Воейковъ“ (слѣдуютъ за этимъ подписи: Ек. Аенасъевны, Воейкова, Саши и Маши) ²⁾. На самомъ дѣлѣ Воейковъ властвовалъ въ семьѣ, овладѣлъ Протасовою, преслѣдовалъ Машу, и та терпѣла ради сестры, страдавшей отъ нрава мужа. Еще до пріѣзда Жуковского Екатерина Аенасъевна подала генералу Красовскому надежду на руку Маши, не безъ вліянія Воейкова, какъ думалъ Жуковскій. У него явилась тогда рѣшимость выступить въ роли брата Протасовой, отца Маши. Это было-бы невозможно безъ ея поддержки, пишетъ онъ мѣсяца два спустя Кирѣевской (24 мая 1815 года). Бракъ ей очевидно навязывали.

На Воейкова роль Жуковского-отца произвела впечатлѣніе, но Жуковского она связала. Онъ начинаетъ понимать двоедушіе своего друга: онъ съ нимъ искрененъ „по своему обыкновенному прямодушію“, а тотъ его слова пересказываетъ. Все это опредѣлило положеніе Жуковского въ семьѣ: какъ въ Муратовѣ онъ не могъ побесѣдовать съ Машей по сердцу, только переписывался, такъ и теперь. „А я готовъ былъ на жизнь добродѣтельную! писалъ онъ впоследствии Кирѣевской (то-же письмо). Виновать-ли я, что меня лишили способовъ и бодрости исполнить то на дѣлѣ, что сказало мнѣ сердце въ лучшую минуту жизни! Такъ точно въ лучшую! Хотя въ эту минуту я отказывался отъ всего совершенно! Чтобы понять это слово „отъ всего“ надобно вамъ знать, что я хотѣлъ не только перемѣнить свою привязанность къ Машѣ на другую, родственную, безкорыстную, но я былъ даже готовъ за-

1) Сл. письмо Жуковского къ Тургеневу изъ Крестецъ, среда 10-го марта: „я буду въ Дерптѣ, вѣроятно, въ субботу“.

2) Сообщеніе А. Ѳ. Оиѣгина.

ботиться о томъ, чтобы она могла наконецъ *другому повѣрить свое счастье* — и въ этой заботѣ было для меня что-то прелестное, не смотря на то, что въ инныя минуты и возвращалось въ душу уныніе! Я не давалъ ему воли, ждалъ шептуна, и шептунъ мой возвращался съ обыкновеннымъ своимъ лозунгомъ: *все въ жизни къ великому средство!* Чтожъ дѣлать! И это не удалось! Я уѣхалъ не объяснившись“. Пусть его считаютъ несправедливымъ, неблагодарнымъ къ Воейкову — этого мнѣнія не перемѣнить; но съ Машей надо было разстаться. „Безъ меня она будетъ спокойнѣе. Никто не будетъ въ ея глазахъ мнѣ дѣлать оскорбительныхъ несправедливостей; а теперь и я, и она не избавлены отъ опасности нарушить обѣщанное: насъ бы довели непримѣтно до этого ужаснаго нарушенія, но обвинены были бы одни мы; тогда бы и послѣднее уваженіе къ себѣ Маши должно бы погибнуть“.

Письмо это резюмируетъ цѣлый рядъ дерптскихъ испытаній. Не задолго до отъѣзда Жуковскій писалъ Машѣ изъ комнаты въ комнату (вѣроятно, въ мартѣ). „Расположеніе, въ какомъ я тебѣ пишу, увѣряетъ меня, что я не нарушаю своего слова тѣмъ, что къ тебѣ пишу. Надобно сказать все своему другу.... Маша моя (теперь моя болѣе, нежели когда нибудь), поняла ли ты то, что заставило меня *рѣшительно отъ тебя отказаться*? Отказаться отъ своего счастья для ея спокойствія, жить съ ея семьей не для частнаго, а для общаго блага, быть ея *отцемъ*. Самосознаніе жертвы поднимало его, жизнь, освѣщенная этимъ чувствомъ, казалась ему прелестной. И вдругъ слова Протасовой: разстаться — ради репутаціи ея и дочери! Но это придирка! Зачѣмъ было вырывать его изъ деревни? „Тамъ можно было того-же бояться, чего и здѣсь; но въ Муратовѣ она рѣшилась возвратитъ меня, не смотря на то, что въ своихъ письмахъ я говорилъ совсѣмъ противное тому, что теперь говорю и чувствую. Нѣтъ! Эта причина несправедливая!“ Здѣшнихъ толковъ бояться нечего, прежніе пропадутъ сами собой, да и самъ онъ употребитъ всѣ усилія, чтобы все привести въ порядокъ. Въ своей жертвѣ онъ не раскаивается, но ею онъ хотѣлъ заплатить за счастье быть вмѣстѣ. Теперь для него жизнь безъ цѣны и прелести, вмѣсто „свободнаго труда—замѣны счастья“, трудъ изъ за денегъ, ремесленничество, убивающее энтузіазмъ. Но „такъ и быть! *Все въ жизни къ прекрасному средство!* Но сердце ноетъ, когда подумаешь, чего и для чего меня лишили“.

Машѣ хотѣлось бы внести какой нибудь миръ въ эти отношенія, обѣлить въ глазахъ Жуковскаго даже Воейкова — ради сестры. Жуковский рѣшился уѣхать. „Милый другъ, надобно сказать тебѣ, что нибудь въ *послѣдній разъ*“, пишетъ онъ ей 29 марта 1815 г. У тебя много остается утѣшенія; у тебя есть добрый товарищъ: твоя смиренная покорность Провидѣнію. Она у тебя не на словахъ, а въ сердцѣ и на дѣлѣ. Что могу тебѣ сказать утѣшительнѣе того, что скажетъ тебѣ лучшая душа, какая только была на свѣтѣ, твой Фенелонъ, котораго ты понимать можешь? Я благодарю тебя за то, что ты его мнѣ вчера присылала. Теперь знаю, что у тебя есть неразлучный товарищъ, и такой, который всегда умѣетъ дать твердость, надежду и ясность“. Онъ пришетъ ей еще и Массильона; пусть это чтеніе напоминаетъ ей о человѣкѣ, который желалъ быть ей товарищемъ во всемъ добромъ, который обязанъ ей всѣмъ, что въ немъ есть лучшее, обязанъ и „самымъ прекраснымъ движеніемъ сердца, которое рѣшилось на пожертвованіе тобою“. Въ воспоминаніи о Машѣ будутъ заключены всѣ его „должности“; пропади оно, онъ все потеряетъ. Что въ жизни можетъ сдѣлаться ужаснаго — для него собственно? Обстоятельства — дѣло Провидѣнія; во всѣхъ обстоятельствахъ онъ будетъ такимъ-же, какъ теперь, достойнымъ Маши; „впрочемъ останемся беззаботны: *все въ жизни къ прекрасному средство*“. Пусть помнитъ своего брата, своего истиннаго друга, который всегда будетъ стараться жить, какъ велитъ его привязанность къ ней, теперь болѣе нежели когда либо чистая и сильная. „О Воейковѣ скажу только одно слово. Мнѣ ему прощать нечего. Слепому человѣку нужно-ли прощать слѣпоту? Но какимъ-же убѣжденіемъ можно заставить себя вѣрить, что онъ зрячій? Человѣкъ, который имѣлъ полную власть осчастливить тебя и который не только этого не дѣлаетъ, но еще дѣлаетъ противное, можетъ-ли носить названіе человѣка? Этого простить нельзя. Даже трудно удержаться отъ ненависти. Я не могу и не хочу притворяться. Между имъ и мною ничего нѣтъ общаго. Ты мнѣ напомнишь: *все въ жизни къ великому средство!* Дай мнѣ способъ сдѣлать ему добро, и я сдѣлаю, но называть бѣлое чернымъ и чернымъ бѣлое и уважать и показывать уваженіе къ тому, что (нѣсколько словъ зачеркнуто) — въ этомъ нѣтъ величія: это притворство передъ собою и передъ другими.... Я бы желалъ, чтобы ты написала мнѣ побольше. — Это было написано по утру. *Маша,*

откликнись. Я отъ тебя жду всего. У меня совершенно ничего не осталось. Ради Бога, открой мнѣ глаза. Мнѣ кажется, что я все потерялъ!“

Объясненіе съ Машей было не послѣднимъ. 1-го апрѣля 1815 года Жуковскій извѣщалъ Тургенева, что собрался въ Петербургъ, но весь мѣсяць продолжается все та-же, постоянно осложнявшаяся душевная страда, и Жуковскій повѣряетъ ихъ своему дневнику, потому что съ Машей ему нельзя поговорить откровенно, запрещено и писать другъ другу, и если онъ переписываются тайкомъ, то нарушая обѣщаніе. Онъ погруженъ въ себя, въ одну и ту-же сферу мыслей, разбирается въ нихъ одинъ, повторяясь, возвращаясь, ободряя себя философіей своего Теона. Вопросъ такъ ясно было бы рѣшить—діалогически, но это невозможно; вмѣсто того монологъ, бесѣда съ собою, обильная, не умѣющая остановиться, потому что некому остановить, не съ кѣмъ потолковать.

Таковъ характеръ его записей въ „книгѣ“, „бѣлой книгѣ“, котóрой онъ повѣрялъ свое горе; отрывки изъ нея попадали въ дневникъ, который онъ велъ для Маши, въ письма къ ней. „Моя книга про меня знаетъ, и вотъ что я написалъ въ своей книгѣ“—и онъ цитуетъ въ дневникѣ 14-го апрѣля запись изъ своей книги 11-го того-же мѣсяца: онъ рѣшительно отказался отъ невозможнаго для него счастья и перемѣнилъ свое чувство къ Машѣ на „лучшее, безкорыстное, братское“, берегая спокойствіе семьи и рѣшившись „твердо покориться судьбѣ, или лучше, своей должности“. Надо и Машу приучить не любить его „какъ прежде“, а любить какъ родного, брата или отца, вырвавъ изъ своего счастья „все собственное, основанное на одномъ эгоизмѣ, все, что прежде было общаго (несовмѣстнаго съ нашимъ обѣщаніемъ)“. Въ чемъ-же будетъ состоять счастье Маши? Жуковскій отвѣчаетъ на свой вопросъ: въ ея спокойствіи, въ согласіи съ матерью и семьею, въ увѣренности, что и онъ счастливъ настоящимъ, работой, дружбой, одобреніемъ сердца; наконецъ въ „свободѣ сердца“ и „если такъ быть должно, еще и въ замужествѣ по сердцу, то есть, чтобы съ другимъ имѣть то, что надѣялась со мною“. И въ этомъ онъ желаетъ быть — участникомъ. „Та минута въ которую; для этой цѣли, я рѣшился пожертвовать собою, была восхитительна, но это чувство восхищенія часто пропадаетъ, и я прихожу въ уныніе. Что нужды! Не должно терять бодрости!“

Афоризмъ Теона толкуется теперь такъ: „Самая трудность, самое страданіе есть средство къ прекрасному“¹⁾.

Здѣсь примыкаетъ апрѣльскій дневникъ Жуковскаго, назначенный для Машы²⁾. Въ заголовкѣ четверостишіе:

Und trennen uns gleich Meer und Land,
Vereinigt uns doch Freundschaftsband,
Und fester knüpft nach *kurzer Zeit*
Es einst die Ewigkeit.

Подъ четверостишіемъ: „Дерптъ, апрѣля 14-го“, подъ нимъ нарисованъ столбъ съ прикрѣпленнымъ съ боку фонаремъ, отъ котораго идутъ лучи.

„Милый другъ, поняла-ли ты то чувство, которое меня рѣшило къ тебѣ написать: позволь мнѣ отъ тебя отказаться и самому найти человѣка, который бы могъ сдѣлать тебя счастливою!“ Три письма 14, 15 и 16 апрѣля лихорадочно слѣдуютъ другъ за другомъ все на ту-же болевую тему. Оказывается, Маша многого не поняла. Жуковскій героически рѣшился не только перевоспитать свое чувство въ братское, но перевоспитать въ этомъ смыслѣ и Машу. Задача трудная, требовавшая взаимной поддержки, а ихъ раздѣляли, не позволяли ходить вмѣстѣ въ церковь, и Жуковскій считаетъ „хорошимъ знакомъ“, что горшокъ цвѣтовъ, принесенный имъ Машѣ, не былъ принятъ въ дурную сторону. Каждый думалъ свою думу про себя, и они стѣснялись въ присутствіи другъ друга: она уходила, чтобы давать ему „грустныя минуты съ маменькой“, онъ старался представляться спокойно равнодушнымъ, и ей казалось, что онъ „все забылъ“, что она ему „въ тягость“. Тутъ вмѣшался Воейковъ. Мы знаемъ, что Жуковскій рѣшился на крайній подвигъ самоотреченія, готовъ устроить счастье Машы — съ другимъ, безъ насилія съ чьей-бы то ни было стороны. Объ этомъ онъ написалъ что-то въ альбомъ Воейкова, а тотъ отвѣтилъ ему стихами въ его альбомъ — на тему „что надобно исправиться, рѣшиться на перемѣну образа чувствовать“. Въ присутствіи Екатерины Аванасьевны Жуковскій побранилъ

1) Тотъ-же отрывокъ записи 11 апрѣля цитуетъ Жуковскій и въ письмѣ къ Машѣ 25 декабря 1815 года, но подъ 12-мъ апрѣля.

2) Изъ тетрадокъ-дневниковъ, принадлежащихъ А. О. Онѣгину. Сл. выше стр. 163, прим. 3.

Воейкова за эти стихи, въ которыхъ онъ хвалился своею къ нему дружбою, глядящей „противъ шерсти“, лишь бы сказать правду. Когда-же говорилъ онъ ему такую правду? А третьяго дня, отвѣчалъ Воейковъ, — какъ разъ „тотъ день, въ который я написалъ ему въ альбомѣ. Черта негодная!“ И Жуковский напоминаетъ Машѣ, какъ Воейковъ ее „такъ нѣжно утѣшалъ, говоря, что я не хочу тебя любить, а хочу только поскорѣе выдать замужъ — и ты даже считала нужнымъ, въ угожденіе мнѣ, кинуться первому на шею!“ Вся душа готова была у него вспыхнуть при воспоминаніи о Красовскомъ. „Я никогда не говорилъ Воейкову, что *ты* мнѣ говорила о Красовскомъ — онъ солгалъ, онъ поступалъ съ тобою, какъ полиціймейстеръ съ колодникомъ“.

Надо ѣхать; все кругомъ ведетъ къ тому, чтобы ослабить наши чистыя намѣренія, „какъ же за себя ручаться? Послѣ такого рѣшительнаго обѣщанія измѣнить себѣ не будетъ-ли ужаснымъ несчастіемъ, которое отравитъ всякую минуту жизни! Одинъ дурной шагъ — и прости спокойствіе! Излишней на себя надежды имѣть не должно и въ хорошихъ обстоятельствахъ... Прежде мы иное себѣ позволяли, потому что не давали слова перемѣнить свои чувства, а теперь, обѣщавъ это, и въ самомъ сердцѣ должны согласоваться съ обѣщаннымъ“.

Письмо кончается просьбой все это переписать въ „прежнюю голубую книжку“, „то есть страница твоя, страница моя. Себѣ не такъ вѣрю, какъ тебѣ. А то, что скажешь мнѣ, то будетъ свято: я буду тогда твердъ и все исполню... Вотъ тебѣ и тетрадка, въ которую переписать. — Назначить правила обхожденія съ каждымъ, особенно, съ маменькой, Воейковымъ, тобою — и собою“.

Маша откликнулась. „Милая моя волшебница! Прочитавъ то, что ты мнѣ написала, я сталъ веселъ, бодръ, горя и слѣда нѣтъ, писалъ онъ въ дневникѣ 28-го апрѣля 1). Между тѣмъ мы съ тобою растаемся! Что будетъ впередъ, неизвѣстно, но намъ теперь до *будетъ* дѣла нѣтъ: настоящее и прошедшее —

1) Между письмами къ Машѣ 16 и 28 апрѣля хронологически помѣщается выдержка изъ бѣлой книги подъ 22-мъ апрѣля, включенная въ письмо къ Машѣ отъ 25 декабря: „не должно оставаться въ Дерптѣ“ и т. д. Жуковский говоритъ о своемъ обѣщаніи „помочь выдать Машу замужъ“, только боится стать рабомъ своего обѣщанія: его совѣты и противорѣчія будутъ перетолкованы, не сдержатъ слова, его же обвинять.

вотъ наше. А оно у насъ есть и, право, самое богатое“. Какъ прежде Маша, такъ онъ теперь готовъ пожалѣть о *тѣхъ*, которые имъ вредятъ или вредили; они несчастнѣе ихъ. „Я говорю *ты*; нѣтъ, это несправедливо: *тотъ*“. Письмо Маши помирило его съ маменькой. „Я опять чувствую къ ней нѣжную благодарность — она за тебя заступилась. Мой отъѣздъ свяжетъ это крѣпкими узлами, и она будетъ самымъ усерднымъ твоимъ защитникомъ.... Прочитавъ твое письмо, я сошелъ внизъ и отъ души пожалъ ей руку: она несчастна!“ Теперь Машѣ легко быть съ ней искренней; удалившись, онъ самъ станетъ дороже Екатерины Аванасьевны, и она отдастъ имъ должную справедливость. „Мысль, что она тебя защищаетъ, даетъ мнѣ большое спокойствіе, привязываетъ меня къ ней, и въ эти два остальныхъ дня, которыя пробуду я съ вами, мнѣ будетъ легко ее любить“. „Наше прекрасное для насъ теперь въ разлукѣ“, утѣшаетъ онъ Машу: она намъ все возвратитъ, и спокойствіе, и свободу чувства, желаніе прекраснаго, энтузіазмъ, довѣренность другъ къ другу и къ себѣ самимъ; вмѣстѣ намъ не дадутъ воспользоваться нашимъ средствомъ къ прекрасному, „оторвутъ руки, если мы ихъ къ нему протянемъ“.

Жуковский вспомнилъ, какъ въ дневникѣ 28-го іюня 1814 года ¹⁾ онъ опредѣлялъ „удовольствіе воспоминанія“, и привязываетъ къ нему то, что мы могли-бы назвать, вмѣстѣ съ нимъ, „философіей фонаря“. Онъ записалъ ее гдѣ-нибудь въ своей „бѣлой книгѣ“, вноситъ ее теперь въ письмо къ Машѣ, два дня спустя (30-го апрѣля) въ альбомъ Воейковой; и позже онъ воспользуется, въ цѣляхъ поученія, тѣмъ-же текстомъ.

„Я когда-то написалъ: счастье не состоитъ изъ удовольствій простыхъ, слѣдующихъ просто одно за другимъ, но изъ удовольствій съ воспоминаніемъ. Эти удовольствія сравнилъ я съ фонарями, зажженными на улицѣ ночью — между ними есть пустые промежутки, но эти промежутки освѣщены, и вся улица свѣтла, хотя не вся составлена изъ свѣта. Такъ и счастье тоже. Удовольствіе — фонарь, зажженный на дорогѣ жизни, воспоминаніе свѣтъ, а счастье — рядъ этихъ прекрасныхъ воспоминаній, которыя все сливаются въ одно общее, тихое, ясное чувство, и которыя всю жизнь озаряютъ. Чѣмъ чаще фонари, тѣмъ свѣтлѣе дорога. Я сказалъ: надежда лишнее! Лучше сказать:

1) Сл. выше стр. 170.

надежда пустое, вредное слово. Это слово имѣеть прелесть для одной неопытности, для которой эта прелесть заключена въ непониманіи этого слова. Что такое надежда? Ожиданіе чего-то въ будущемъ, всегда неясное, часто безпокойное. Часто и всякое такое ожиданіе болѣе вредно, нежели полезно: оно всегда уничтожаетъ настоящее: если весело, то дѣлаетъ къ настоящему по крайней мѣрѣ равнодушнымъ, если печально, то его отравляетъ. Позабудемъ о будущемъ, чтобы жить, какъ должно. Милый другъ, пользуйся настоящею минутою, ибо она только есть средство, и самое вѣрное, къ прекрасному. Зажги *свой* фонарь, не заботясь ни мало объ тѣхъ, которые удастся зажечь послѣ. Въ свое время ты оглянешься, и за тобою будетъ прекрасная, свѣтлая дорога; между настоящею минутою и неизвѣстнымъ предѣломъ жизни помѣстимъ не *надежду*, а *Провиднiе*. Переходя отъ одной хорошей минуты къ другой, нечувствительно дойдемъ до этого предѣла, за которымъ вѣрное, прекрасное будущее. Объ этомъ будущемъ можно думать безъ сомнѣнія — оно не мѣшаетъ жизни, но здѣшнее будущее есть настоящій врагъ всего прекраснаго. Что въ немъ? Приходить-ли оно когда-нибудь такимъ, какимъ мы его себѣ воображаемъ? На что-же ему вѣрить и объ немъ заботиться? А прошедшее пускай идетъ съ нами рядомъ.— Il ne faut pas s'avancer dans la vie en detournant, la tête, mais il ne faut pas du tout attacher ses yeux sur un lointain incertain! Tout cela empêche de voir autour de soi. Надобно имѣть въ прошедшемъ вѣрнаго, добраго товарища настоящему *Для сердца прошедшее вѣчно....* Повѣрь, что мнѣ всегда будетъ хорошо въ Петербургѣ, въ Долбинѣ, въ тюрьмѣ — только не здѣсь“. Петербургской жизни бояться нечего — тамъ настоящіе мои друзья, есть люди, имѣющіе обо мнѣ хорошее мнѣніе, надо только поддержать его. „Я не буду искать многого, слѣдовательно и труднаго писанія не будетъ. А Тургеневъ? Нѣтъ, не бойся ничего. Я буду работать съ энтузіазмомъ.... Гдѣ бы я ни былъ, у меня будетъ хорошее настоящее.... Хорошее — не значить счастливое, значить болѣе — доброе. Тоже и для тебя!... Одно только условіе: не дай собою пожертвовать!

„Видишь-ли, мы можемъ доказать другъ другу, какъ геометрическую задачу, что для насъ разлуки нѣтъ!... Разлука — условіе соединенія! Одинакая здѣшняя жизнь — приготовленіе къ одинакой вѣчности! Ничто не пропало! Все лучшее наше! Гдѣ бы я ни былъ, вездѣ свѣтъ Божій, вездѣ настоящее наше

и можетъ быть прекрасно. Можно даже иногда подумать, что и то будущее началось для насъ здѣсь: разница между той и здѣшней жизнью только въ томъ, что здѣсь могутъ быть горы и лѣса между нами, а тамъ нѣтъ этого непроницаемаго пространства. Все остальное для насъ и здѣсь то-же, какъ и тамъ! Что-же унывать! Жизнь прекрасна! Прости“!

Въ Петербургѣ онъ попалъ въ „кипящій свѣтъ“; много старыхъ и новыхъ знакомствъ, много для него на свѣтѣ „прекраснаго и безъ всякой надежды“, пишетъ онъ Кирѣевской (12 мая 1815 г.), которой рассказываетъ въ другомъ письмѣ (24 мая) ¹⁾ объ обстоятельствахъ, принудившихъ его покинуть Дерптъ. Въ Петербургѣ „имѣютъ обо мнѣ, какъ бы сказать, большое мнѣніе“; онъ представился Императрицѣ и великимъ князьямъ, но о будущемъ старается не думать. „Для меня въ жизни есть только прошедшее и одна настоящая минута, которою пользоваться для добра, если можно — *зажигать свой фонарь*, не заботясь о тѣхъ, которые удастся зажечь послѣ“. Его тянетъ на родину, въ семью, въ Долбино.

Вѣроятно въ Дерптѣ и въ эту пору Петербургской жизни Жуковский принялся было за переводъ *Draseke, Glaube, Liebe, Hoffnung* (Lüneburg 1814). Это для него характерно; переводъ начать на бумагѣ, приплетенной къ брошюрѣ. На лицевой сторонѣ книжки четверостишіе (Нач. Мой другъ безцѣнный, будь спокойна), подписанное: мая 12, 1815 г.; зачерченъ — силуэтъ Маши ²⁾.

1) Сл. выше стр. 190—1.

2) Книга эта находится въ собраніи А. О. Онѣгина вмѣстѣ съ другими, принадлежавшими Жуковскому, который оставилъ въ нихъ свои замѣтки, слѣды впечатлѣній, нерѣдко имѣющихъ біографическое значеніе. Укажу на экземпляръ Новой Элоизы, къ которой Жуковский отнесется отрицательно (сл. письмо къ И. И. Козлову 27 января / 8 февраля 1833 г.), на *La Russie et les Russes* Н. Тургенева, на *Hume, Essai philosophique* съ поправками по англійскому тексту. — Другой экземпляръ книги Дрезеке перешелъ отъ П. И. Полетики въ бібліотеку графа В. П. Завадовскаго и позже къ В. В. Голубцову, на внутренней сторонѣ доски переплета этой книги наклеены два листка бумаги, одинъ надъ другимъ; на верхнемъ написано: „Очарованному Челноку отъ двухъ Свѣтланъ, Арзамасской и настоящей 1823 г., 18 декабря. С.-Петербургъ“. Очарованный челнокъ было арзамасское прозвище Полетики, Свѣтлана — Жуковскаго, настоящая Свѣтлана — Воейкова. На нижнемъ листѣ рукою Жуковскаго написано: „Вотъ тебѣ вѣра, надежда и любовь, прими ихъ изъ рукъ Свѣтланы, и пускай онѣ сопутствуютъ повсюду Очарованному Челноку“. Сл. Русская Старина 1883 г., сентябрь, стр. 626.

26 іюня 1815 г. у Воейкова родилась дочь; этимъ днемъ помѣчено стихотвореніе Жуковскаго, посвященное его крестницѣ, Е. А. Воейковой, и онъ снова въ Дерптѣ. „Я получилъ два твоихъ письма, милой другъ, пишетъ онъ 19 іюля 1815 г. Тургеневу. Коротко, да прекрасно. Мнѣ кажется, что ты все сказалъ мнѣ (что могъ сказать) въ этихъ двухъ словахъ. Ей (Машѣ) и тебѣ скажу одно:

How dear the dream: in darkest hours of ill
 Could all be changed, to find thee faithfull till.

Но это вовсе не dream, не сонъ, толкуеть Жуковскій, примѣняя стихи къ вѣрной дружбѣ Тургенева; о своихъ личныхъ дѣлахъ онъ пока не пишетъ: какой-то туманъ виситъ у него на умѣ и на сердцѣ. Въ припискѣ къ письму Уварова отъ 29-го іюля, Тургеневъ вызывалъ Жуковскаго въ Петербургъ, чтобы исполнить желаніе Императрицы, „но если жертва, которую ты долженъ принести нетерпѣнію Государыни, дорого тебѣ будетъ стоить, то не приноси этой жертвы; лови день тамъ, гдѣ твое солнце“¹⁾. „Что ты говоришь мнѣ о жертвѣ и о моемъ солнцѣ? отвѣчаетъ ему Жуковскій (1 или 2 августа). Развѣ я поѣхалъ сюда съ тѣмъ, чтобы грѣться подлѣ моего яснаго солнца? Нѣтъ, братъ, оно яснѣе для меня, когда я отъ него далѣе. Тогда оно одно только для меня видно, и ничто противное не темнитъ его милой ясности. Здѣсь я не долженъ глядѣть на него свободными глазами; здѣсь душа, мысли и чувства сжаты. Уѣхать отсюда не будетъ для меня жертвою; напротивъ, здѣсь остаться было-бы жертвою, жертвою всего, что мнѣ дорого, лучшихъ своихъ чувствъ. Не говорю уже о надеждахъ, ихъ нѣтъ, да онѣ и не нужны“.

Письма къ Кирѣевской отъ 30 іюля и 2 августа характеризуютъ ту обстановку, изъ которой бѣжалъ Жуковскій. „Вспомните, что я обѣщалъ и что заставило меня сдѣлать обѣщаніе и что я надѣялся получить за него. Обѣщаніе это помнятъ; побудительной причины никто, кромѣ меня и Маши, здѣсь не знаютъ; а ласкою думаютъ все сдѣлать. Но при этой ласкѣ положеніе то-же; однѣ только формы перемѣнились“; съ Машей

1) Русскій Архивъ 1871 г., стр. 0165.

онъ по прежнему розно, сидитъ въ своей горницѣ за работой, съ семьей видится только за обѣдомъ и чаемъ. Эта внѣшняя ласка его бѣситъ. „Здѣсь всякій день записываютъ то, что дѣлается; и я пишу въ числѣ прочихъ. Вотъ что написала тетупка въ одномъ мѣстѣ: „Доброй мой, несравненно драгоценной мой Жуковский опять даетъ мнѣ надежду на прежнюю дружбу, опять вселяется въ мое сердце спокойствіе и увѣренность на ангельскія связи на землѣ“. Гдѣ же эти ангельскія связи на дѣлѣ? спрашиваетъ Жуковский; онъ знаетъ, что у Протасовой есть къ нему дружба, но ея дѣйствіе ничтожно, а надежды онъ никогда не отымалъ. Надо уѣхать, вдали отъ Маши онъ будетъ ближе къ ней, чѣмъ здѣсь; лишь бы независимость, онъ полетѣлъ бы къ роднымъ въ деревню; тамъ поживетъ у него многое, что въ короткое время петербургской жизни успѣло завянуть: тѣ *grands projets*, которые строятъ для него пріатели, не готовятъ-ли ему неволи? Жуковский раскрываетъ письмо для оговорки: онъ напрасно обвинялъ Протасову, желалъ невозможнаго; вина въ обстоятельствахъ, не въ ней; „она такъ же достойна сожалѣнія, какъ и я“.

„На свѣтѣ много прекраснаго и безъ счастья“, повторяетъ онъ свою любимую фразу въ письмѣ къ Тургеневу (4 августа), т. е. безъ счастья съ Машей. Есть счастье другое: „*Душа* добродѣтельная наслаждается, т. е. любитъ съ чистотою и безкорыстіемъ; душа просвѣщенная судитъ себя и все, что ее окружаетъ; истина даетъ прочность наслажденію, великія мысли совершенствуютъ великія чувства! Произведеніе всего этого есть *счастье*. Помнишь-ли, что говоритъ Миллеръ? *Lesen ist nichts, lesen und denken Etwas, lesen, denken und fuhlen — die Vollkommenheit. На мѣсто lesen поставь leben*“. Жить и чувствовать.

14 августа на праздникъ дерптскихъ студентовъ профессоръ Эверсъ побратался съ Жуковскимъ, и онъ въ восторгѣ, поцѣловалъ „братскую руку“ идеальнаго старца, который „съ нѣжностью“ его „благословилъ“.

О, сладкій жаръ во грудь мою проникъ;
Когда твоя рука мнѣ руку сжала,
Мнѣ лучшею земная жизнь предстала.

Жуковский всюду открывалъ друзей, такъ и теперь на студенческомъ фуксъ-коммершѣ студента Зейдлица, впоследствии

его пріятеля и восторженнаго біографѣ. На другой день послѣ праздника въ прогулкѣ загородомъ при заходѣ солнца онъ вспомнилъ „о небомъ данномъ братѣ“. „Я часто любовался этимъ старикомъ, который всякій вечеръ ходилъ на гору смотрѣть на захожденіе солнца, Заходящее солнце въ присутствіи старца, котораго жизнь была святая, есть что-то величественное, есть самое лучшее зрѣлище на свѣтѣ. Я написалъ стихи къ „Старцу Эверсу“... они должны быть дерптскія повторенія моего Эсхина и Теона. Въ обоихъ много для меня добра“¹⁾. Программа жизни, въ сущности, одна и та-же, тамъ и здѣсь:

„Не унывать, хотя и счастья нѣтъ;
 Ждать въ тишинѣ и помнить Провидѣнье;
 Прекрасному текущее мгновенье,
 Грядущее — безопасно небесамъ;
 Что мрачно здѣсь, то ясно будетъ тамъ;
 Земная жизнь, какъ странница крылата,
 Съ печалями отъ гроба улетитъ;
 Что было здѣсь для добраго утрата,
 То жизнь ему другая возвратитъ!“
 Вотъ правила для Эверсова брата.

„Человѣкъ не долженъ быть несчастливъ, если только онъ можетъ быть добрымъ“ писалъ Жуковскій своему „двадцатилѣтнему Эверсу“—Мащѣ: „Эверсъ одинъ на свѣтѣ и бѣденъ;... Вспомни Эверса и скажешь себѣ, что бѣдности нѣтъ на свѣтѣ“ (15 апрѣля 1815 г.).

Жуковскаго по прежнему манила уединенная, занятая жизнь, слѣдственно не петербургская и не дерптская²⁾. Въ Петербургъ онъ уѣхалъ 24-го августа, едва ли такъ прочно утвердившись въ своемъ новомъ пониманіи счастья, какъ онъ увѣрялъ себя. Въ письмѣ къ Кирѣевской, въ которомъ онъ вспоминалъ о своемъ братаньи съ Эверсомъ (16 сентября 1815 г.), онъ знакомитъ ее съ впечатлѣніями Петербурга: его

1) Изъ письма къ Кирѣевской 16 сентября 1815 г. изъ Петербурга; Сл. Шевыревъ, О значеніи Жуковскаго въ русской жизни и поэзіи, примѣчаніе 43. Стихи „Старцу Эверсу“ написаны дня за два до отъѣзда Жуковскаго (то-же письмо), но о нихъ говорится уже въ письмѣ къ А. Тургеневу, которое издатель отнесъ къ половинѣ августа.

2) Письмо къ Тургеневу, вторая половина августа 1815 г.

бросаетъ „изъ мертваго холода въ убійственный огонь, изъ равнодушія въ досаду“, но были и пріятныя минуты тамъ, гдѣ онъ ихъ не ожидалъ: во дворцѣ царицы, гдѣ читали его баллады, Пѣвца и Посланіе. Онъ тронуть вниманіемъ, добродушной лаской, далеку отъ суетнаго честолюбія, но благодарность навсегда останется въ его душѣ; „можно безъ всякаго безпокойства предаваться простому, чистому чувству“. Въ Дерптѣ онъ не вернется, быть рабомъ и, что еще хуже, сносить молча рабство Маши — такая жизнь хуже смерти“. Онъ такъ недавно разсуждалъ о вредной прелести надежды — и снова толкуетъ съ Протасовымъ и Нелединскимъ о степеняхъ своего родства съ Машей; Протасовъ не нашелъ въ нихъ препятствія къ браку, и, по просьбѣ Жуковскаго, написалъ объ этомъ сестрѣ¹⁾.

Къ тому же времени, относится, судя по указанію на письмо Батюшкова²⁾ и слѣдующее, адресованное Кирѣвской: „здѣшняя жизнь мнѣ тяжела, и я не знаю, когда отсюда вырвусь.... *И воображеніе поблѣднѣло* — такъ пишетъ ко мнѣ и Батюшковъ. *Поэзія отворотилась*. Не знаю, когда она опять на меня взглянетъ.... О Дерптѣ вамъ не хочу писать ни слова. Лучше говорить, нежели писать. Но когда же удастся говорить? Авось!... все еще авось!“ Онъ любитъ теперь „поэзію, какъ милаго чело-вѣка въ отсутствіи, о которомъ безпрестанно думаешь, къ которому безпрестанно хочется, и котораго все нѣтъ, какъ нѣтъ“; живетъ уединенно, неспособенъ заниматься, какая-то жестокая сухость, ужасная охладѣлость ко всему залетѣла въ его душу, жизнь давитъ и душитъ. Добраго настоящаго у него здѣсь нѣтъ и быть не можетъ, занятій нѣтъ, а „непріятное, неоживленное никакою привязанностію разсѣяніе самымъ тяжелымъ образомъ отвлекаетъ насъ отъ всякаго воспоминанія“. Не будь окружающаго его „морознаго“ настоящаго, многое изъ стараго могло бы возвратиться; „я говорю многое, всего не хочу“. Такое настоящее, посвященное „прекрасному дѣлу мысли, чувству“, онъ нашелъ бы у своихъ; тамъ и надежда на будущее не будетъ беспокоить: надо только представить себѣ „такое будущее, которое вѣрно, т. е. не здѣшнее; будемъ думать о немъ, какъ о добромъ другѣ, съ которымъ увидимся непременно, но когда и гдѣ — неиз-

1) См. письмо Жуковскаго къ М. А. Протасовой 28 ноября 1815 г.

2) „Августъ, числа не знаю 1815 г.“, изъ Каменца, Сл. соч. Батюшкова II, 345.

вѣстно“. Въ иныя минуты духъ Божій налетитъ на него, онъ чувствуетъ себя на вершинѣ горы и только что готовъ закричать: Вотъ Капмиръ! какъ все становится темно по старому. „По крайней мѣрѣ я рѣдко позволяю себѣ грѣшить мыслями. Если чувство молчить, то по крайней мѣрѣ мысль холоднымъ языкомъ своимъ повторяетъ по складамъ то, что иногда прекрасное чувство представляетъ въ блестящей, очарованной картинѣ. Иначе оно и быть не должно. И прекрасныя чувства, какъ *фонари*, и между ними должны быть промежутки. Пускай же эти промежутки наполняетъ разсудокъ“¹⁾).

„О себѣ скажу вамъ, что я до сихъ поръ все ѣздилъ изъ Дерпта сюда, отсюда въ Дерптъ“, писалъ онъ Прокоповичу Антонскому изъ Петербурга 15 октября 1815 года; а въ другомъ письмѣ: „Вы ждете отъ меня посланія. Дайте мнѣ уѣхать въ свою сторону — оттуда буду писать посланіе съ вольнымъ духомъ. Здѣсь какъ-то муза моя оледенѣла. Давно нѣтъ отъ нея никакого слуха. Молчить весьма упрямо. Посылаю вамъ единственный плодъ ея, стихи, сдѣланные по заказу, хотъ пѣтые на праздникѣ Семеновскаго полка и написанные по просьбѣ офицеровъ. Писать было пріятно, но написанное худо, потому что не было времени. Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ“²⁾).

Письмо Протасова было послѣдней попыткой Жуковскаго устроить то, отъ чего онъ видимо отказался и чего по прежнему вожелѣлъ. Очень вѣроятно, что именно это письмо и произвело въ семьѣ Протасовыхъ и Воейковыхъ переполохъ, побудившій Машу къ рѣшенію, глубоко поразившему Жуковскаго.

Профессоръ Мойеръ, котораго онъ зналъ за человѣка честнаго, съ прелестной душой, уже сватался однажды за Машу, но ему было отказано; теперь Мапа писала Жуковскому, какъ отцу, отъ котораго она ждетъ своего счастья и спокойствія: она хочетъ выйти за Мойера, знаетъ его благородный и возвышенный образъ мыслей, съ нимъ она найдетъ покой. Она понимаетъ, чѣмъ жертвуетъ, но что и приобрѣтетъ: потеряетъ свободу только по виду, но приобрѣтетъ право не скрывать святой, нѣжной дружбы къ Жуковскому; она всего ждетъ отъ времени, а маменькѣ подарить двухъ друзей. Жуковский

1) Русскій Архивъ 1864 г. вып. 4 стр. 458 сл.

2) Русскій Архивъ 1902 г., май, стр. 137—8.

будетъ ей утѣшителемъ, другомъ, братомъ, онъ будетъ жить съ матерью и Сашей, „этими двумя ангелами“; и Воейковъ станетъ „лучше и добродѣтельнѣе“. Это повліяетъ на счастье Саши. Воейкову она ничего еще не говорила о своемъ рѣшеніи, знаетъ, что у Жуковскаго есть причины на него жаловаться, но пусть проститъ ему и отплатитъ добромъ ради сестры; она даже проситъ его похлопотать о Воейковѣ въ Петербургѣ, куда тотъ скоро явится, помирить его съ Кавелинымъ (8 ноября 1815 г.). Съ Воейковымъ она говорила, сообщается въ короткой записочкѣ отъ 22-го ноября: онъ недоволенъ, боится, что Жуковскій вообразитъ его причиною всему; не думай этого: „я, одна я рѣшилась“. Ек. Ае. Протасова съ своей стороны просила Жуковскаго отвѣтить поскорѣе: „Сердце мое раздирается, когда я о тебѣ думаю, но я знаю твое благоразуміе. Другъ мой, напиши ко мнѣ все, что у тебя на душѣ; я увѣрена, что ты способствовать будешь счастью тѣхъ, кто тебѣ такъ дороги, и для кого ты безцѣненъ“ (25-го ноября 1815 г.).

Отвѣчая Машѣ, Жуковскій пытается серьезно сыграть роль отца, не эгоистически взвѣшивающаго рѣшеніе дочери. Онъ не вѣритъ, чтобы это рѣшеніе было свободно: ее побудила къ тому тяжелая семейная обстановка, упреки, грубости Воейкова; отъ нея требуютъ жертвы, которую приносятъ подъ видомъ счастья, потому что опасаются его, Жуковскаго. Эта мысль отравитъ всю его жизнь. Не Мама ли клялась ему передъ Богомъ, что выйдетъ замужъ по свободному выбору, не по приказанію? Они такъ недавно разстались, онъ и маменька знаютъ „расположеніе“ ея сердца — а тутъ бракъ съ Мойеромъ, стало быть, разлука съ семьей! Не она ли говорила, что для нея не надо другого счастья, кромѣ свободы, неразлучности съ маменькой и свободы въ семьѣ? Бракъ съ Моейромъ ей навязываютъ, въ него тащутъ насильно; Мойеръ прекрасный человѣкъ, Жуковскій любитъ его и уважаетъ, онъ способенъ дать Машѣ счастье, но она его почти не знаетъ, надо къ нему привыкнуть, присмотрѣться, „привязаться къ нему сердцемъ“; „годъ можетъ все заставить забыть“ — и онъ, Жуковскій, будетъ радъ. *„Дѣло идетъ не о страсти — ты ее никогда не имѣла и не дай Богъ имѣть! Что маменька ни говорила и ни писала обо мнѣ, но я никогда не имѣла ее; но за то имѣла нѣчто лучшее: увѣренность въ своемъ счастьи, привязанность совершенную, привычку думать объ*

одномъ и все къ одному относить. Милый другъ, *это не страсть*“ (27 ноября 1815 г.).

Онъ видѣлся съ Воейковымъ, и тотъ подтвердилъ къ его изумленію, будто, выйдя замужъ, Маша надѣется подарить матери двухъ друзей; „пожертвовавъ собою, не думай изъ меня сдѣлать ей друга — этимъ не заманишь меня въ ея семью“, пишетъ онъ на другой день (28 ноября). Воейковъ разсказалъ ему въ Петербургѣ, что мать требуетъ ея замужества, а Маша готова пожертвовать собою для общаго счастья, между прочимъ для того, чтобы Жуковскій могъ жить съ ними (къ М. А. Протасовой 25 декабря 1815 г.).

Все это усилило его подозрѣнія; онъ не противился браку, просилъ только повременить; его письма къ Ек. Ае. Протасовой повидимому рѣзкія, не сохранились ¹⁾. Отъ письма Маши къ нему (6 декабря 1815 г.) дошли отрывки не всегда согласные между собой, потому, быть можетъ, что, цитую, Жуковскій не всегда заглядывалъ въ текстъ: онъ послалъ кошію этого письма къ Кирѣевской, перемежая его своими возраженіями, и самъ комментировалъ его въ своемъ отвѣтѣ Машѣ (25 декабря). Маша писала ему, что обстоятельства побудили ее заговорить съ матерью о бракѣ, чтобы имѣть въ Моейрѣ друга и покровителя. „Ты упрекаешь меня, что я забываю себя для другихъ. Увѣряю тебя, что въ этомъ случаѣ я думаю только о себѣ. У меня *нѣтъ страсти къ Мойеру*, но уваженіе, довѣренность, дружба, которую я къ нему питаю, достаточны для того, чтобы сдѣлать насъ счастливыми.... Я воображала найти спокойствіе, перестать быть въ тягость однимъ, перестать быть вѣчною причиною слезъ другихъ, и все это безъ того, чтобы отказаться отъ нихъ навѣчно“. Мойеръ обѣщалъ ей не разлучать ее со своими: „это одно изъ невозможныхъ идеальныхъ блаженствъ“; они будутъ жить не въ одномъ домѣ. Ни маменька, ни Воейковъ не полагали для ея брака никакихъ сроковъ; можетъ быть, его и отложить, можетъ онъ состоятся и ранѣе, все зависитъ отъ обстоятельствъ; она ничего не хочетъ обѣщать, на это у нея важныя причины, у ней одной. Она напередъ была увѣрена, что Воейковъ будетъ противъ брака не потому, что боялся бы для нея несчастья, а потому что родные и знакомые могутъ за-

1) Сл. отвѣтное письмо Ек. Ае. Протасовой 6 декабря 1815 г. и отвѣтъ Жуковского 11 декабря 1815 г.

ключить дурно о немъ. Онъ обѣщаетъ мнѣ спокойную жизнь, говорить, что я бѣгу отъ его бѣшенства; онъ говоритъ неискренно. Она не понимаетъ, какъ можетъ Жуковскій такъ мѣнять свои взгляды: не онъ ли, видя ея прежнюю жизнь, совѣтовалъ ей выйти замужъ? И это за три дня до его отъѣзда? Я иду замужъ не для того, чтобы бѣжать отъ Воейкова, а точно для того, что люблю Мойера. Я не могу страдать за всѣхъ и видѣть себя всему причиною; она готова упрекнуть себя даже за свадьбу Саши, это она ее сдѣлала ¹⁾). Никто не принуждаетъ ее идти за Мойера, она желаетъ этого сама, хотя надежды ему никогда не давала; отсрочка свадьбы ничто въ ней не перемѣнитъ, и Жуковскій ошибается, думая, что она обманываетъ Мойера и сдѣлаетъ изъ него „еще несчастнаго человека“. Мойеръ узнаетъ отъ нея, что она можетъ дать ему, а ея чувства къ Жуковскому такъ невинны, что она готова объявить ихъ передъ цѣлымъ свѣтомъ. Пока ей запрещено было показывать ихъ, теперь иное дѣло: она увѣрена, что Мойеръ позволилъ бы ей любить Жуковскаго, какъ брата, какъ она и теперь его любитъ. Она будетъ счастлива, завися отъ человѣка, котораго уважаетъ, которому хоть не много дорога; онъ дастъ ей тихую, независимую жизнь, она посвятитъ ее ему, а Саша перестанетъ имѣть огорченія, страдать изъ за нея, изъ за обращенія съ нею Воейкова. Воейковъ хочетъ казаться увѣреннымъ, что Машей пожертвовали, и вмѣстѣ боится, какъ бы не обвинили его — и Маша проситъ Жуковскаго написать ему, что обвинять его никто не станетъ, что самъ Жуковскій желаетъ ея счастья. А за счастье поручкой „прелестная душа Мойера“; на согласіе Жуковскаго она надѣется; „ради Бога не заставь меня раскаиваться въ томъ, что я люблю тебя, какъ брата“.

Жуковскій привязывается къ каждому слову письма, не вѣритъ ему и, вживаясь въ новое положеніе, которое самъ приготовилъ и которое застало его врасплохъ, отстаиваетъ только право своего чувства и — чувства Маши? Въ замѣткахъ для Кирѣевской, которыми онъ сопровождалъ письмо Маши, постоянно встрѣчаются выраженія: „можно ли совершенно забыть прошедшее? Можно ли повѣрить, что она вдругъ могла забыть его?“ „Можно ли вообразить, что сердце ея вдругъ и совершенно успокоилось?“ Онъ не вѣритъ внезапной привязан-

1) См. выше стр. 147.

ности къ Мойеру; „я еще не потерялъ ни памяти, ни чувства! Или все прошедшее надобно считать за обманъ и призракъ?“ Что несчастнѣе супружества „противъ воли, съ тайнымъ чувствомъ къ другому, съ необходимостью скрываться?“; Можетъ ли онъ „этого не бояться, помня прошедшее?“ Онъ и прежде готовъ былъ уступить счастье Маши другому и въ письмѣ къ ней не отрицаетъ, что совѣтовалъ ей выйти замужъ; но этотъ совѣтъ вырвался у него въ минуту огорченія. Одно мѣсто въ этомъ письмѣ особенно характерно. Мама писала ему, говоря о своемъ замужествѣ съ Мойеромъ, что она „всего ждетъ отъ времени“. Для кого? спрашиваетъ Жуковский: для себя, чтобы полюбить Мойера, или для него, чтобы онъ могъ успокоиться? Будь же искренна: прежде, когда мы были привязаны другъ къ другу одинаково, тебѣ толковали безпрестанно, что такая привязанность недозволена, и ты могла „перемѣнить не только твой образъ мыслей, но и самое твое чувство“. Я не перемѣнился; „можетъ быть, ты боялась показать мнѣ твою собственную перемѣну! Ты щадила меня и хотѣла избавить отъ новаго несчастья! Милая, ты ошибалась!... Если моя привязанность къ тебѣ казалась тебѣ заблужденіемъ, если для тебя же самой этого заблужденія не было, для чего не говорила ты мнѣ ясно и рѣшительно? Вотъ еще несчастье, котораго причиною было то принужденіе, въ какомъ я и ты жили въ одномъ домѣ. Никто такъ убѣдительно, какъ ты, не могъ мнѣ доказать моей обязанности и такъ совершенно перемѣнить моего сердца. Такое открытіе не прибавило бы къ моему несчастью, но только указало бы мнѣ мою должность. Можетъ быть, въ первыя минуты сердце бы взволновалось, но оно бы скоро, скоро съ тобой согласилось! Я въ этомъ увѣренъ! Увѣренъ по тому чувству, которое нахожу теперь въ себѣ“. Онъ проситъ ее быть съ нимъ искренней; неужели она могла думать, что онъ захочетъ сохранить чувство, которое бы сдѣлало ее несчастной, питать его? „Я только думалъ, что оно въ тебѣ было. Оно и было, но прежде!“

Это объясняетъ крикъ сердца, которымъ кончается его письмо къ Машѣ при отъѣздѣ изъ Дерпта: „Мама, откликнись!... Открой мнѣ глаза. Мнѣ кажется, я все потерялъ!“ И вмѣстѣ съ тѣмъ мысль о спокойствіи, счастья Маши перебиваетъ это настроеніе: какъ бы онъ радъ былъ дать ей это счастье! Мойеръ, дозволить ей любить Жуковскаго, какъ брата,

писала ему она: „Милый ангелъ! И тутъ она думаетъ обо мнѣ!“ комментируетъ онъ эту фразу въ письмѣ къ Кирѣвской: „ей нельзя не любить меня, и чѣмъ болѣе она будетъ счастлива, тѣмъ болѣе должна меня помнить! Лишь бы не такъ, какъ прежде! Лишь бы теперь не было прежнимъ!“

Мапа спрашивала его (письмо 6 декабря 1815 г.) почему онъ самъ не пріѣдетъ, не осмотрится; тогда онъ увѣрился бы, что она говоритъ правду. И онъ самъ готовъ напроситься на пріѣздъ. Когда-то ему казалось, что счастьемъ Мапы было остаться въ семьѣ, лишь бы она была спокойна, свободна; теперь оставаться ей тамъ невыносимо. Принуждаютъ ли ее обстоятельства выходить изъ нея, или она идетъ по волѣ? Онъ не можетъ повѣрить, чтобъ „она теперь согласна была съ этимъ въ сердцѣ“, но не будетъ перечить, если найдетъ въ ней то чувство къ нему, какого теперь желать надобно и котораго онъ никакъ не предполагалъ. И онъ ѣдетъ рѣшившись, проникнувшись сознаниемъ долга, произвольной жертвы. Это сознание поднимаетъ его, онъ хочетъ, чтобы Кирѣвская, его друзья въ этомъ участвовали, отдали бы ему справедливость (къ Кирѣвской 30-го декабря 1815 г.). Недаромъ поминаетъ онъ позже слова Карамзина: „намъ должно думать не о совершенствѣ дѣйствія, а о совершенствѣ одной воли! Дѣйствія не зависятъ отъ человѣка, но воля есть человѣкъ“ (Кирѣвской 19 февраля 1816 г.).

Въ январѣ 1816 года онъ провелъ нѣсколько недѣль въ Дерптѣ, убѣдился и все устроилъ. Мапа не обманывала его, идетъ замужъ „изъ увѣренности, что все будетъ лучше“; съ Мойеромъ онъ сблизился, они будутъ „вѣрные товарищи“, Мапа, онъ и Мойеръ составятъ „тѣсный триумвиратъ, котораго цѣль есть общее счастье“. Это счастье онъ хочетъ „состряпать“ вмѣстѣ, надо только чтобы Мапа привязалась къ будущему мужу, говоритъ онъ себѣ; Мапа привыкаетъ „и все, что было, не пропадетъ для нея и только сольется съ тѣмъ, что есть, въ одно ясное, спокойное чувство“; но всякій разъ, когда онъ замѣчаетъ признаки замѣчающейся близости, для него наступаютъ „тяжелыя минуты“, выскакиваютъ порой, какъ пузыри, „маленькіе безобразные уродцы, которые называются желаніями для себя“, но лопаются; точно въ немъ является и бурлитъ къ вечеру другой человѣкъ: „думаю, что онъ живетъ въ желудкѣ. Но онъ связанъ крѣпкими кандалами и осужденъ умереть съ голоду — и онъ умретъ непременно“.

Екатерина Аванасьевна успокоилась, и хотя не совѣмъ входитъ въ чувства Жуковскаго и не понимаетъ ихъ, но допустила свободныя бесѣды съ Машей. Бѣшенствовалъ одинъ Воейковъ; онъ и раньше мучилъ всѣхъ, грозя самоубійствомъ, дуэлью съ Мойеромъ, будто заступаясь за Жуковскаго, на самомъ дѣлѣ онъ заступался не за него, а за неограниченную власть, которой, благодаря слабости Протасовой, онъ пользовался въ семьѣ и которая ускользала изъ рукъ. Эти сцены прекратились съ пріѣздомъ Жуковскаго: въ его рукахъ была репутація Воейкова, его связи съ друзьями. Жуковскій не измѣнилъ своей „прекрасной цѣли“; прекрасна вся жизнь, не смотря на нарушающія ея порядки болѣзни; поэзія — громомъ отводитъ: даже все печальное въ его судьбѣ теперь не убійственно и близко своей породой къ безсмертной музѣ! *„Поэзія, идущая рядомъ съ жизнью, товарищъ несравненный!“* 1).

Въ апрѣлѣ 1816 г. Жуковскій былъ снова въ Дерптѣ и, за исключеніемъ нѣсколькихъ поѣздокъ въ Петербургъ, пробылъ тамъ цѣлый годъ: ему хотѣлось вдвоемъ съ Мойеромъ „состряпать“ счастье Маши, пожить утешеніемъ платоническаго „ménage en trois“, напоминающаго отношенія Гёте къ Шарлоттѣ и Кестнеру. Гёте освободился отъ нихъ поэтическимъ актомъ, создавъ Вертера; для Жуковскаго они были испытаніемъ, страдой воли. Не правда ли, „мое положеніе одно изъ самыхъ необыкновенныхъ“, писалъ онъ въ февралѣ или мартѣ 1816 г. Кирѣевской, получивъ отъ Мойера письмо, въ которомъ онъ говорилъ ему о Маллѣ. „Мое положеніе необыкновенно, повторяетъ онъ (Кирѣевской 12 апрѣля 1816 г.), но я себя совѣмъ не понимаю; мнѣ до сихъ поръ, съ самаго моего сюда пріѣзда, не хорошо съ самимъ собою“, не потому, чтобы его тайное чувство было въ противорѣчьи съ поступками, а есть такіе „комары жизни“, которые не даютъ наслаждаться ея прекраснымъ днемъ. Кругомъ него много нерѣшительнаго, та же принужденность; ни онъ, ни Мойеръ этимъ не довольны, а съ нимъ онъ совершенно согласенъ въ образѣ мыслей и чувствъ и свободно говоритъ объ „общемъ дѣлѣ“. — Затѣмъ все какъ будто уладилось.

1) См. письма къ Кирѣевской 30 декабря 1815 г., къ ней же и къ роднымъ въ Дерптѣ января 1816 г., къ Кирѣевской 19 февраля 1816 г., къ роднымъ въ Бѣлевскій уѣздъ послѣ 19 февраля или въ мартѣ, Русская Старина 1883 г., августъ.

„Будь на мой счетъ совершенно спокоенъ. Я теперь точно таковъ, какимъ мнѣ быть *должно*, и это не стоить мнѣ никакого усилія“.хлопотъ еще будетъ довольно, „но могу только поручиться за одну добрую волю свою и буду, помня слова моего евангелиста, то есть, Карамзина, думать только о томъ, чтобы ее совершенствовать, оставляя все прочее на волю Провидѣнія... Жизнь — искусство. И вотъ два правила, которыя едва ли не ко всему пригодятся: *Совершенствуй волю, все въ жизни къ прекрасному средство*“¹⁾. Самъ онъ оживаетъ²⁾, все идетъ, какъ должно, онъ даже начинаетъ писать, и теперь „стихи, то есть хорошее“, льются изъ души³⁾. „Все идетъ очень хорошо. Я теперь увѣренъ, что Машѣ будетъ возможное счастье“⁴⁾.

Синхронизмы бываютъ интересны. Мы знаемъ со словъ Жуковского, какъ жилось въ семьѣ Воейковыхъ и какая тамъ бывала неладница. 20-мъ августа 1816 года подписано посланіе Воейкова „Къ женѣ и друзьямъ“⁵⁾. Оно начинается знакомой намъ картинной „ветхаго московскаго дома“, памятью о друзьяхъ погибшихъ или разошедшихся по жизненнымъ тропамъ; и самъ онъ пустился въ море и чуть не погибъ въ его сѣдяхъ волнахъ,

Но Ангеломъ спасенъ отъ кораблекрушенья....

Подруга милая! Ты ангель сей была;

Ты мнѣ посломъ явилась Провидѣнья,

Мнѣ якорь подала,

Къ кресту его кольцомъ любви прикрѣпила,

Ея таинственная сила

Разсѣяла грозу и бурю утишила....

И жалкій плаватель теперь, хвала тебѣ,

Супругъ, отецъ и гражданинъ, въ семьѣ,

Любимый милою, хвалимый только другомъ,

Въ посредственности, въ простотѣ,

1) Ал. Тургеневу лѣтомъ 1816 г.

2) См. другое письмо къ нему-же лѣтомъ 1816 г.

3) Къ тому-же 17-го августа и въ сентябрѣ 1816 г.

4) Письмо къ Кирѣевской лѣтомъ 1816 г.

5) О немъ см. выше стр. 138—9 и примѣч. 1. Что посланіе дописано послѣ 20-го года, доказывается стихомъ: „но съ Дерптомъ навсегда протсясь“ и намѣреніемъ Воейкова ждать друзей въ Москвѣ, „на старомъ новосельѣ“.

Въ работѣ по сердцу, смѣняемой досугомъ,
Находить счастье и просторъ.
Въ очахъ твоихъ свой приговоръ
Съ боязнію читаетъ
И ободряющій твой взоръ
Всему предпочитаетъ.

Онъ счастливъ, когда осенней ночью работаетъ въ своемъ „молчаливомъ“ кабинетѣ въ сосѣдствѣ Жуковского, или когда ютится у самовара, за ужиномъ, къ которому являются друзья; тутъ

съ Женни объ руку идетъ
Вейраухъ, вдохновенный
Наперсникъ музъ;

За ними Бокъ-гусаръ, и пастыръ — Ленцъ смиренный
И нашъ Жуковский несравненный ¹⁾.

Всѣ шутятъ вѣжливо, скромно, спорятъ безъ запальчивости, благородно; но Воейковъ предпочитаетъ крылатымъ часамъ веселыхъ ужиновъ и дружескихъ бесѣдъ то время, когда, забывъ и свѣтъ и дѣло, усталый „отъ счастья, отъ хлопотъ, отъ разговоровъ“, онъ сладко дремлетъ въ креслахъ, тогда какъ его духъ витаетъ на бездной солнцевъ, зрять океаны звѣздъ,

Дерзаетъ подлетѣть Создателя къ чертогу,
Гдѣ Серафимовъ тѣмы кипятъ,
И въ хорѣ ихъ поетъ „Три святъ“
И „Слава въ вышнихъ Богу!“
О, память сихъ минутъ святыхъ,
Чистѣйшихъ и духовныхъ,

Въ кругу *земныхъ* друзей, въ кругу друзей безплотныхъ (?),
Я сохраню до позднихъ дней моихъ!

1) О Вейраухѣ, музыкантѣ и стихотворцѣ, положившемъ на музыку нѣкоторыя пѣсни Жуковского, и дерптскомъ оберъ-пасторѣ Ленцѣ сл. прим. къ письмамъ В. А. Жуковского къ Ал. Ив. Тургеневу №№ LXXXII и CXIV; о Бокѣ сл. Дневники В. А. Жуковского, стр. 86, прим. 8, и дневникъ 22 сентября / 4 октября 1832 года и слѣд. (Жуковский у Бока въ Веве), что устраняетъ прежнее мнѣніе, будто съ 1827 г. Бокъ жилъ въ своемъ имѣніи, лишившись разсудка.

Такую-же идеалическую картину дерптскаго счастья воскрешает онъ годъ спустя (1817 г. 10 октября) ¹⁾ въ воспоминаніи, обращенномъ къ женѣ: семья за чаемъ, тутъ и „нашъ (?) подщипанный вздыхательовъ“, и

Женни-пѣвочка съ гитарою своей
 Вздыхаетъ горлицей, поетъ какъ соловей!
 Вотъ съ чашкою въ рукѣ и съ новыми стихами
 Ж(уковский) изъ угла пугаетъ мертвецами:
 Все въ ужасѣ, никто не смѣетъ идохнуть;
 Боятся Лилія иглою шевельнуть,
 И замерла рука у Женни на гитарѣ,
 И чайникъ замолчалъ, стоя на самоварѣ,
 И, мнится, слышится желѣзныхъ скрыпъ зубовъ,
 И шорохъ савана, и стонъ, и звукъ оковъ;
 Но кстати, во время въ стихахъ заглѣвшій пѣтель
 Разсѣялъ блѣдный страхъ—и всякой сталъ вновь свѣтель.
 О, чай вечерній! ты въ мой тѣсный уголокъ
 Друзей, родныхъ моихъ бывало собираешь,
 И ихъ не по чинамъ, по сердцу размѣщаешь....

Послание кончается восторженнымъ признаніемъ всего хорошаго, чѣмъ онъ обязанъ женѣ:

Твоя любовь меня и грѣветъ и хранитъ,
 Подъ бурей и грозой во тьмѣ путеводитель,
 И за минувшее мой съ Богомъ примиритель,

1) Къ Женѣ, въ Вѣстникѣ Европы, ч. ХСІХ, № 9, май 1818 г., стр. 26 слѣд. Біографу Воейкова предстоитъ разъяснить нѣкоторыя обстоятельства, на которыя намекаетъ стихотвореніе. Ты права, обращается Воейковъ къ женѣ, „но теперь расказываться поздно: Три года (какъ свинецъ тяжелыхъ) жить намъ розно“; къ этому осудилъ ихъ „заботливый расчетъ“, потому что „плюсъ долговъ у насъ и минусъ состоянья“, надо расстаться, скрѣпя сердце, ибо „дѣло объ дѣтяхъ“. А онъ былъ такъ счастливъ въ семьѣ, съ женой! Къ этому и примыкаютъ воспоминанія. Повидимому, Воейковъ искалъ мѣста; именно въ октябрѣ Воейковъ былъ въ Москвѣ и Жуковский записалъ въ Дневникѣ 1817 года подъ 27 октября „Пріѣздъ Воейкова съ стихами“. Это извѣстный отрывокъ изъ поэмы Искусства и Науки съ характеристикой Жуковского-поэта съ его репертуаромъ развалинь, кладбища и т. д. Въ „Посланиі къ женѣ и друзьямъ“ онъ говоритъ о старомъ московскомъ новосельѣ, сл. выше стр. 210 прим. 5.

Ты противъ самого меня мой вѣрный щить...
 Завѣса съ глазъ моихъ твоей рукою снята!
 Я вижу все въ другомъ и цвѣтѣ, и значенъѣ,

и слабость представляется ему теперь силою, „страданье — счастьемъ, печали наслажденьемъ, и яснымъ — гроба мракъ, а смерть — преображеньемъ“.

Это почти житейская философія Жуковского, въ которой онъ воспиталъ Машу и Воейкову; Воейковъ могъ порой вливаться въ этотъ паеосъ самоотреченія и не только риторически, но не надолго; Жуковский ему не вѣрилъ.

Между тѣмъ Тургеневъ представилъ Государю черезъ князя Голицына, сочиненія Жуковского, вышедшія въ 1815 г. „Вниманіе Государя есть святое дѣло, пишетъ Жуковский по этому поводу; имѣть на него право могу и я, если буду русскимъ поэтомъ въ благородномъ смыслѣ сего имени. А я буду! Поэзія часъ отъ часу становится для меня чѣмъ то возвышеннымъ.... Не надобно думать, что она только забава воображенія...., она должна имѣть вліяніе на душу всего народа, и она будетъ имѣть это благотворное вліяніе, если поэтъ обратитъ свой даръ къ этой цѣли. Поэзія принадлежитъ къ народному воспитанію“ (Тургеневу 21 октября 1816 г.). „Поэзія святое дѣло! Святое во всемъ смыслѣ этого слова, напишетъ онъ недѣли двѣ спустя къ Кирѣвской, блаженъ, кто можетъ быть вполне поэтомъ! вполне, а не *слишкомъ!* Если *слишкомъ*, то поэзія врагъ всякаго *вмѣстѣ* съ людьми. Моя стоитъ на золотой серединѣ, и слава Богу! Я опять пишу и пишу!“ (7 ноября 1816 г.). Едва ли это *вмѣстѣ* указываетъ на требованія общественнаго служенія: это „*милое вмѣстѣ*“ съ Машей, которое ему не далось, потому что онъ *слишкомъ* жилъ идеалами, что не годится, какъ выразился онъ однажды по поводу Агатона ¹⁾; un coeur sensible est un méchant cadeau de la bonté divine, поучаетъ онъ въ томъ-же письмѣ Кирѣвскую, сердце которой доставляло ей много напрасныхъ страданій. Пришлось ограничиться счастьемъ *при Машѣ*, поэзіей „*на золотой серединѣ*“.

Свадьба Машы съ Мойеромъ состоялась 14 января 1817 г. „Свадьба кончена, пишетъ Жуковский Тургеневу во второй половинѣ генваря, и душа совсѣмъ утихла. Думаю только объ

1) Сл. выше стр. 112.

одной работѣ“. 18-го февраля того-же года онъ исповѣдуется Дмитріеву: ему хотѣлось бы быть подобнымъ Карамзину въ стремленіи къ хорошему. „Во мнѣ живо желаніе произвести что-нибудь такое, чтобы осталось памятникомъ доброй жизни. По сію пору ни дѣятельность, ни обстоятельства не соотвѣтствовали желанію; но оно не умирало, а только иногда засыпало. *Если обстоятельства не сдѣлались счастливые, то по крайней мѣрѣ лучше, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ нравственному лучше; вѣроятно, что буду больше въ ладу съ самимъ собою — это главное для поэзіи.* О фортунахъ же попечется Провидѣніе“. Но работа не спорится, въ ней у него „большая неровность“, жалуется онъ тому-же Дмитріеву „часто какая-то нравственная сухотка нападаетъ на меня и мучитъ цѣлые мѣсяцы“ (1 марта 1817 г.). „Старое все миновалось, а новое никуда не годится, слышимъ мы нѣсколько мѣсяцевъ спустя; душа какъ будто деревянная. Что изъ меня будетъ, не знаю. А часто, часто хотѣлось бы и совсѣмъ не быть. Поэзія молчитъ. Для нея еще нѣтъ у меня души. Прошлая вся истребалась, а новой я еще не нажилъ. Мыкаюсь, какъ кегля“ (въ мартѣ 1817 г. къ Тургеневу).—„Я вижу, что пребываніе твое въ Дерптѣ не облегчило души твоей“, писалъ ему 18 апрѣля Ал. Тургеневъ; пусть вернется въ Петербургъ, „на что быть *ежеминутнымъ свидѣтелемъ счастья, которое отравляетъ наше спокойствіе*“? 1).

Жертва далась ему не легко, „трудно было рѣшиться, но минута, въ которую я рѣшился, сдѣлала изъ меня другого человѣка, и, къ несчастію, эта переменна сдѣлалась слишкомъ скоро. Я хлебнулъ изъ Леты и чувствую, что вода ея усыпительна. Душа смягчилась. Къ счастью, на ней не осталось пятна; за то бѣла она, какъ бумага, на которой ничто не написано. Это-то ничто — моя теперешняя болѣзнь, столь же опасная, какъ первая, и почти похожая на смерть.... Мое теперешнее положеніе есть усталость человѣка, который долго боролся съ сильнымъ противникомъ, но, боровшись, имѣлъ нѣкоторую дѣятельность; борьба кончилась, но вмѣстѣ съ нею и дѣятельность. Къ этой дѣятельности душа моя привыкла: эта дѣятельность была до сихъ поръ всему источникомъ“ (къ Тургеневу 25 апрѣля 1817 г.).

Кто знаетъ, какую роль игралъ Воейковъ въ тяжелой нрав-

1) Неизданное письмо, безъ года.

ственной борьбѣ, пережитой Жуковскимъ, того поразить своей неожиданностью характеристика Жуковского въ письмѣ Воейкова къ Кюхельбекеру, только что познакомившемуся съ по-этомъ по выходѣ своемъ изъ Лицея (въ маѣ 1817 г.). „Поздравляю васъ съ такимъ другомъ и братомъ, какъ нашъ Жуковский; проживя съ нимъ полвѣка (?), видя его въ разныхъ обстоятельствахъ, — въ счастья и несчастья, въ горѣ и въ радости, въ болѣзни и въ цвѣтущемъ здоровьѣ, я не могу, клянусь вамъ, рѣшить, что больше, что превосходнѣе, что удивительнѣе въ немъ — необыкновенное ли его дарованіе или необыкновенный его характеръ. *Я видѣлъ, съ какою готовностью жертвуетъ онъ своими драгоценными для своего сердца благами счастья другихъ, съ какимъ христіанскимъ терпѣніемъ переноситъ несчастья, подъ которыми бы упалъ всякій человѣкъ, меньше его увѣренный въ безсмертіи души и въ томъ, что тайная рука Провидѣнія всегда ведетъ насъ къ счастью, часто по терніямъ и кремнямъ, но все къ счастью. Знаю только, что, живучи съ Жуковскимъ, самъ непримѣтно становишься лучше, выше, добрѣе*“¹⁾.

Искупительная дѣятельность вскорѣ наплась для Жуковского: ему предложили быть учителемъ русскаго языка у принцессы Шарлотты, впоследствии великой княгини Александры Федоровны. Онъ не знаетъ, способенъ-ли онъ къ такой должности, будетъ ли самъ собою доволенъ, а дѣло его привлекаетъ: это не работа наемника, а занятіе благородное; „имѣть въ такомъ занятіи (и любимомъ занятіи) товарищемъ образованную женщину должно быть наслажденіемъ, а не неволею“. Онъ получилъ возможность „образоваться“, радъ „обязанности“, потому что чувствуетъ, что, „неограниченная свобода“ ему вредитъ; но необходимость работать, и хорошо работать, не будетъ ли для него слишкомъ тягостною? Онъ „избалованъ свободою и привыкъ работать только тогда, когда вдохновеніе этого требуетъ“. Ему хотѣлось бы попутешествовать, „дать себѣ два года *настоящей молодости, свободной, живой*, окруженной прекрасными для меня живыми впечатлѣніями“. Это воспламенило бы его дарованіе. „Отъ этого надобно будетъ отказаться“ (къ Тургеневу 25 апрѣля).

Дерптская жизнь односторонне и слабо отразилась въ поэзіи Жуковского; онъ не всегда „оживалъ“. Онъ дописываетъ

1) Русская Старина 1875 г., № 7, стр. 359.

тамъ „Пѣвца въ Кремлѣ“, которымъ не доволенъ (къ Ал. Тургеневу 21 октября и 6 ноября 1816 г.); пишетъ Вадима, къ 21-му октября написано было болѣе половины, въ концѣ года или началѣ слѣдующаго баллада была готова ¹⁾).

Жуковскій глубже входитъ въ мѣстныя дерптскія отношенія, знакомится съ профессорами, слушаетъ лекціи, сводитъ дружбу съ фонъ-Боккомъ ²⁾, Фурманомъ, который называлъ его славянскимъ Оссіаномъ ³⁾; 16 апрѣля 1816 г. его сдѣлали почетнымъ докторомъ дерптскаго университета ⁴⁾. Нельзя сказать, чтобы онъ „совсѣмъ огерманился“, какъ онъ пишетъ Тургеневу ⁵⁾: новыхъ вѣяній не слышно, развѣ увлеченіе Гебелемъ, „Овсяный кисель“ котораго казался Жуковскому совершенствомъ „простоты и непорочности“ ⁶⁾. Онъ вживался мечтой въ эту идиллію, желанную и недостижимую въ сутолокѣ отношеній, среди которыхъ онъ созидалъ чужое счастье, и, казалось, свое. „Что мнѣ нужно? писалъ онъ еще 16 сентября 1816 г. Кирѣевской: свобода и маленькій достатокъ,.... клочъ земли подлѣ Мишенскаго или подлѣ Долбина, но клочъ собственный.... Если разъ залѣзу въ этотъ уголъ, то уже изъ него будетъ трудно меня вытащить“. И его потянуло въ деревню, къ старинѣ, къ очагу, на родину:

Тамъ небеса и воды ясны!
Тамъ пѣсни птичекъ сладкогласны!
О, родина! всѣ дни твои прекрасны!
Гдѣ бъ ни былъ я, но все съ тобой
Душой!....

Ты помнишь-ли нашъ прудъ спокойный,
И тѣнь отъ ивъ въ часъ полдня знойный,
И надъ водой отъ стада гулъ нестройный,
И въ лонѣ водъ, какъ сквозь стекло,
Село?

1) Русская Старина 1901 г., апрѣль, стр. 132 слѣд.: письмо 2 октября 1816 г. къ Тургеневу; сл. письма къ Тургеневу 21, 31 октября и 6 ноября, къ Кирѣевской 7 ноября того-же года, къ Ал. Тургеневу во второй половинѣ января 1817 г.: „надо сперва кончить Вадима“.

2) Сл. три стихотворенія къ Боку 1815 г.

3) Къ Фурману 1815 г.

4) Сл. письмо къ Тургеневу 24 августа 1816 г.

5) Сл. письмо къ Тургеневу сентября 1816 г.

6) Сл. письмо къ Тургеневу 21 октября 1816 г.

Туда, туда душа моя летѣла!
Казалось сердцу и очамъ
Все тамъ!

Это такъ задушевно, такъ вѣсть тоской по родной русской деревнѣ, а между тѣмъ и тонъ и лирическая форма подслушаны у Шатобриана, въ его *Aventures du dernier Abencerrage*, гдѣ Lautrec поетъ романсъ:

Combien j'ai douce souvenance
Du joli lieu de ma naissance.

Привожу двѣ послѣднія строфы:

Te souvient-il du lac tranquille
Qu'effleurait l'hirondelle agile,
Du vent qui courbait le roseau
Mobile
Et du soleil couchant sur l'eau
Si beau?
Oh! qui me rendra mon Hèlène
Et la montagne et le gros chêne?
Leur souvenir fait tous les jours.
Ma peine:
Mon pays sera mes amours
Toujours!

То же настроеніе въ пѣсенкѣ, сочиненной имъ по просьбѣ и на данный голосъ: опять раздается „милый голосъ старины“ (къ Кирѣевской 7 ноября 1816 г.).

Въ эту пору Жуковский начинаетъ интересоваться Ундиной: просить Тургенева прислать ему повѣсть Ламоть-Фукэ, ибо она нужна его музѣ¹⁾; переводить три пьесы ить Гёте: „Кто слезъ на хлѣбъ свой не ронялъ“ (1816 г.), „Утѣшеніе въ слезахъ“ и „Къ мѣсяцу“ (1817 г.); въ послѣдней пьесѣ гётевское выраженіе, что онъ предается въ уединеніи то радости, то печали, замѣнено стихами: „И *минувшаго* привѣтъ слышу въ типинѣ“. Переведено нѣсколько пьесъ изъ Гебеля; изъ Уланда,

1) См. письма къ Тургеневу 17 и 24 августа и 2 октября 1816 г.

кромѣ балладъ, „Сонъ“, „Пѣсни Бѣдняка“, „Счастье во снѣ“ (1816 г.). Иныя изъ этихъ стихотвореній точно подобраны къ выраженію чувствъ, пережитыхъ имъ въ пору тяжелой жертвы и совершенствованія воли. Порой воскресало передъ нимъ „минувшихъ дней очарованье“, кто-то будилъ замолкавшія мечты,

Шепнулъ душѣ привѣтъ бывалый;
Душѣ блеснулъ знакомый взоръ, ...
О милый гость, святое *прежде*,
Зачѣмъ въ мою тѣснишься грудь?
Могу-ль сказать: *живи*, надеждѣ?
Скажу-ль тому, что было, *будь*?

(„Пѣсня“: Минувшихъ дней очарованье, 1816 г.).

Но былого не вернуть: въ „Пѣснѣ“ на народный мотивъ молодець уронилъ въ море кольцо, съ которымъ соединена была любовь милой — и любовь пропала.

Вчера ей жалко стало:
Нашла меня въ слезахъ
И что-то, какъ бывало,
Зажглось у ней въ глазахъ.
Ко мнѣ подсѣла съ лаской,
Мнѣ руку подала,
И что-то ей хотѣлось
Сказать, но не могла.
На что твоя мнѣ ласка,
На что мнѣ твой привѣтъ?
Любви, любви хочу я ...
Любви то мнѣ и нѣтъ.

(„Пѣсня“: Кольцо души дѣвицы, 1816 г.).

„Воспоминаніе“ 1816 года—это уже отказъ отъ очарованья минувшихъ дней, которыя порой воскресали:

Прошли, прошли вы, дни очарованья!
Подобныхъ вамъ ужъ сердцу не нажать!
Вашъ слѣдъ въ одной тоскѣ воспоминанья!
Ахъ! лучше бъ васъ совсѣмъ мнѣ позабыть

Къ вамъ часто мчить привычное желанье —
И слезъ любви нѣтъ силъ остановить!
Несчастіе — о васъ воспоминанье!
Но болѣе несчастье — васъ забыть!

О! будь-же, грусть, замѣной упованья!
Отрада намъ — о счастье слезы лить!
Мнѣ умереть съ тоски воспоминанья!
Но можно-ль жить, — увы! — и позабыть!
